



Андрей БЫЧКОВ "Вот мы и встретились". — М.: Эксмо, 2017. — 320 с.

НЕБОЛЬШАЯ белая книжечка, кокетливая с виду. Ладная такая, гладкая. Удобно лежит в руке. Обложка оформлена с большим вкусом: по белому снегу танцуют свой брачный танец журавли — но за ними безлистая тёмная размытая чаша, тревожная, словно будущее несчастье, и, как напоминание о неумолимо текущей в жилах всего живого крови, вьётся воздушная алая лента. И менястораживает блестящая чёрным лаком, тяжёлая, словно надгробный гранит, рубленая надпись: "ВОТ МЫ И ВСТРЕТИЛИСЬ". Поворачиваю книгу и встречаюсь с пронзительными глазами автора — он глядит в самые мои зрачки, а что это сияет над его лбом? Лезвие меча?

Давайте раскроем эту непохожую на другие книгу — здесь двадцать два рассказа: "Права человека", "Голова Брана", "В бешеных плащах", "Тапирчик", "Прогулки на катере", "Грядущее и навязанное", "Гог Ван", "Нано сапиенс", "В разрывах листьев", "Время проекций", "Блиссамбо", "Машина Джерри", "Ничья вина", "С тех пор", "Яйцо", "Тайци", "Имя", "Русский рассказ". "До двенадцати дня следующего воскресенья", "Белая линия", "Марио" и заключительный, давший название всей книге, — "Вот мы и встретились". Не пытаетесь представить по названию, о чём пойдёт речь в рассказе! Ни за что не угадаете! Кажется иногда, что автор просто глумится над читателем: ты хотел что-нибудь светлое, про низкое закатное солнце, заглядывающее сквозь резную листву в твоё лицо? Как бы не так! Нна в чельсть! Получай! Мало? На тебе в живот раскалённое лезвие! Хочешь про любовь, про незримую связь мужнины и женщины? Нна! Получай сладкие пытки и смертельную любовь!

Бычков коварно заманивает наивного читателя таинственными образами: "Это были странные коридоры — длинные и искривленные, по которым они иногда неслись вверх тормашками, а иногда, не двигаясь, летели, не перебирая ногами, как будто их что-то несло. Несло, то разводя, то снова обликая, и тогда они мчались бок о бок, под руку, оба в чёрных велюровых фраках, белых сорочках с жабо и с манжетами в виде кинжалов". И ты, заворожённый красотой картинки, доверчиво следуешь за автором, трепеща от предвкушения лихо закрученного сюжета, и тут он заводит тебя в лабиринт — ты мечешься запутанными тропинками, падаешь, сбиваешь в кровь колени, а вместо выхода оказываешься в тупике, лицом к лицу со своим испуганным отражением. Или это не зеркало? Скорее портрет, только откуда он знает, кто я, как я выгляжу, кто я знаю? Откуда он знает про меня эти подробности, эти мои секреты, мои зажившие и незажившие раны? Откуда он, например, знает, что мой папа был похож на жирафа? Откуда он знает, что в детстве я смотрела на солнце, пока оно не начинало мигать подвижным чёрным кругом, скрывающим золотую монету яркого диска? Откуда он знает про белую деревянную линейку и про белый...? И про тонко отточенный карандаш, доведённый на шкурке до остроты иглы? Откуда он, чёрт возьми, это знает!?

Он пишет будто десяток гениальных писателей с разными стилями. То он пишет как Джойс, то как Толстой. Да и сам автор в своём манифестационном рассказе "Права человека" так и написал: — Фамилия? — Толстой. — Имя? — Достоевский.

Краткие, казалось бы, бесстрастные диалоги без ремарок напомнили мне манеру Хемингуэя (без Ремарка!). Рассуждения такого Хемингуэя.

В книге много находок и открытий. Вот в рассказе "Ничья вина" блестящая находка — косная от разложения и при этом образная мозговая речь полового маньяка: "Не студа" да "не студа", что за "не студа", да за такая? Думал". Или вот это, с выпадением существительных: "И джил эг в акациях с потнушенным ждл, среди листьев блестел от уличных, как все машины" — но вам ведь всё ясно, так ведь? А точность формулировок напоминает скальпель: "Он зашёл в Макдональдс и взял себе гамбургер, испытывая странное наслаждение от того, какое здесь всё бездарное, серое и грязное только слегка" — как не узнать, всё мы это испытывали!

Он и жёсткий реалист, жестокий даже, и мастер фантазмагорий, и мистик, и инкозатель (инкозатель?), и метафизик (Мамлеве? Головин?), и предсиджитор гештальта, психолог, палач человеческих душ (этак и до метафизической интоксикации недалеко!). Со своими героями творит что хочет — может метафизически вывернуть мужчину наизнанку и сделать из него женщину, вотанкой — Бычков-Всемогущий. Неувольним, ускользающий, горько улыбающийся автор. Разнообразный. Широкий, можно сказать. От сингулярных точек сферы Римана до символического торга со смертью Бодрийера, от Сциллы и Харибды до улицы Горького, от Ригведы до Боттичелли. И при этом очень русский.

Но если вам хочется гладкой речи, беллетристики, проще говоря, то это не к Бычкову; к нему — это если вам, как всякому русскому, хочется горчицы или хрену там — и никакого бланманже! Новый и традиционный, свежий и остро-точный, с улыбой оглябощающий ханжеские запреты последнего времени, нет в нём жеманной скромности, он называет вещи своими именами, живой, остроумный русский язык, который существует по своим законам, свободно, как бы ни хотели официальные структуры его обкорнать и окосплет, язык, нагло и весело показывающий не столько язык, сколько другой, не менее важный орган.

Вот такой вот Бычков. Человек играющий и ускользающий. Человек традиций. Себя. Раздаривающий и раздирающий.

Говорящий: я есмь русский дух. Я испытываю гордость за всех нас и надежду на свет в туннеле, где живы мы, русские, проскочившие между двух фур!

Александра ОКАТОВА

Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: "Я Христос", и многих прельстят (Мф. 24:5)

СМЕРТЬ БОГА — не метафора, но факт, свершившийся в западном сознании XX века. В философии об этом свидетельствует теория сакрального, которая позволяет строить рассуждения о религии вне идеи Бога, а в предельных вариантах объявляет Бога антисакральным (Ж. Батай). Поразительно, но современная теология пошла по тому же пути, что и философия, вытесняя, а в конечном итоге — устраняя Бога из христианской традиции силами христианства. Удивительные свидетельства смерти Бога для теологии можно найти у митрополита Антония Сурожского, нёсшего своё служение в Великобритании. Например, он рассказывает о том, что русскую студентку выгнали вон с богословского семинара, проходившего в Лондоне, только из-за того, что она сказала что-то о Воскресении Христовом. Самого Антония Сурожского перестали приглашать на Би-Би-Си, потому что он говорил о Божестве Христа. По мнению работников корпорации, подобные проповеди принадлежат к другому столетию. Эти воспоминания митрополита относятся к семидесятым годам прошлого века. Сегодня отвержение сверхъестественного выражается, например, в том, что "Обязательные основы", одобренные французским епископатом, рекомендуют



Статуя «Воскресение», расположенная в зале Павла VI в Ватикане. Скульптор Перикле Фаццини

исключить все ссылки на космические чудеса — утишение бури, умножение хлеба, а также упоминания об ангелах, сатане и бесноватых. Среди заповедей блаженства в них не нашлось места заповедям "Блаженны плачущие" и "Блаженны изгнанные за правду". Страшные слова Христа "Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой" также опущены. На практике подобные веяния выражаются, например, в том, что родители, по совету прихода, "чтобы не травмировать" своего ребенка вешают в его комнате не распятие, а собаку "как символ верности", то есть как изображение, наиболее понятное детскому возрасту.

Дело, однако, не просто в том, что вера рационализируется и психологизируется, но в том, что фигура Бога подменяется принципиально чем-то иным, необратимо трансформируя не только церковное, но вместе с тем и социальное пространство. Как однажды тонко подметил П. Тилlich, Америка, решая проблему отношений между Богом и миром, изобретает "средние аксиомы", которые являются посредниками между абсолютными принципами христианства и конкретной жизнью мира, как-то: демократия, достоинство человека, равенство перед законом. Проблема заключается в том, что эти аксиомы фактически стирают необходимость в непосредственности Бога. И это стало характерно не только для американского, но и для европейского менталитета, который избрал для себя, в конечном итоге, горизонтальное измерение. Для Европы знаковым стало подписание в 2004 году главами европейских государств Конституции ЕС, включившей христианство из списка источников своей культуры. Характерно, что замечанию западных аналитиков, только русский президент, поздравляя в 2013 году Папу Римского Франциска с избранием, говорил о христианских ценностях, тогда как все остальные нейтрально говорили о мире, доброте и демократии. Лозунг "Je suis Charlie" сегодня несомненно ближе к пониманию Европы собственной идентичности, нежели христианство. Место Бога теперь занял принцип толерантности. И в этом пункте сходятся светская и церковная мысль, подтверждением чему служат диалог Юргена Хабермаса и Йозефа Ратцингера.

В этом диалоге Хабермас выступает за "постсекулярное общество", то есть общество, которое подразумевает взаимодействие и "взаимобучение" секулярной и религиозной сфер. Фактически же речь

идёт о реабилитации верующих в современном мире путём признания их равноправия в демократическом диалоге со светскими позициями и благодаря "переводу" основных религиозных понятий на общедоступный язык. Удачным "переводом" такого рода Хабермас считает идею "человеческого достоинства", которая в христианстве присутствует как идея богоподобия. А Йозеф Ратцингер вторит ему: "Я во многом, — говорит он, — согласен с тем, что было сказано Юргеном Хабермасом о постсекулярном обществе, о готовности учиться и взаимном самоограничении". Взаимное ограничение касается двух сфер — разума и веры, светского мира и церковного. Наряду с христианством Ратцингер объявляет рациональную секулярную культуру великой культурой Запада и выступает за их "коррелятивность" в современном мире. Церковная точка зрения необходима для предотвращения патологии разума — расширения арсенала ядерного оружия, применения клонирования и т.п. А разум необходим религии во избежание патологий веры — фанатизма, приби-

года выставка "Музей мучеников", посвящённая террористам, подтверждают неизбежную её жизненность. Восклицания, что "это уже слишком", не выдерживают никакой критики. "Слишком" может быть только по отношению к чему-то, по отношению к фундаментальному табу. Вне табу у позволенного нет степеней. Но не обернётся ли эта позиция против "святости" самой свободы слова?

Принцип толерантности заставляет Запад пересмотреть своё отношение к христианским символам, в результате чего они либо нейтрализуются, либо подпадают под прямой запрет.

ХРИСТИАНСКИЕ СИМВОЛЫ: KEEP CHRIST IN CHRISTMAS

Нейтрализация символов — это попытка найти для них знаковый светский эквивалент, позволяющий абстрагироваться от их конкретного христианского содержания. Например, накануне 2013 года на центральной площади Брюсселя

Наталья РОСТОВА

РЕЛИГИЯ БЕЗ БОГА

О духовной трансформации Запада

"символизируется", но то, что попадает в реку забвения. Рождественская аббревиатура со знаком "X" — не символ, а шифр, то есть способ забвения Того, чьё место он занимает под предлогами обращения к древним символам и разумной экономии места на вывесках и карточках. "X" в современной аббревиатуре не имеет никакого отношения к символическому сознанию, поскольку не открывает, но, напротив, заслоняет собой содержание.

Помимо косвенных запретов на символы христианства, за последние годы в Европе произошла череда резонансных событий, связанных с прямым запретом на них, причём при судебных разбирательствах суд чаще всего выступал против христиан. Например, работодатели стали ставить своих сотрудников перед выбором: крест или работа. В 2006 году сотрудницу британской авиакомпании Надю Звейду уволили из-за того, что она отказалась снять нательный крест на работе. Впрочем, именно Звейде, в отличие от других гонимых христиан, суд пошёл навстречу, признав нарушение прав человека и обязав работодателя выплатить денежную компенсацию. В 2009 году в Великобритании сотрудникам двух разных клиник Ширли Чаплин и Хелен Слаттер руководство запретило носить крест на работе под угрозой увольнения. Начальство Хелен аргументировало свою позицию тем, что ювелирные украшения могут принести инфекцию в больницу. В 2013 году увольнением за ношение усыпанного драгоценными камнями креста, больше похожего на украшение, пригрозили ведущей норвежского телевидения Сив Кристин Саегман.

Под запрет попадают не только нательные кресты. В 2006 году крест сняли с воинского мемориала в Амстердаме, но вернули после протеста ветеранов. В 2009 году Страсбургский суд вынес решение о запрещении распятий в итальянских школах. Правда, из-за горячих протестов итальянцев в 2011 году суд отменил своё постановление. В 2010 году кресты были сняты со стен немецкой больницы в Бад-Зодене. В том же году члены фракций Европейского парламента обратились в Страсбургский суд с протестом против присутствия креста в молитвенной комнате Европейского парламента. В 2014 году под давлением Фонда свободы от религии (FFRF) в университете Арканзаса удалили изображения крестов с футбольных шлемов. Эти и другие запреты часто аргументируются тем, что христианский символ может оскорбить или, если имеется жалоба, уже оскорбил чувства мусульман и других нехристиан. Например, кресты больницы в Бад-Зодене попали на свалку из-за жалобы пациента-мусульманина, который заявил, что те мешают ему выздороветь.

Аналогичные случаи происходят и с рождественской символикой. В 2012 году администрация датского города Коккедаал запретила установление рождественского ели. В том же году в Санта-Монике (США) христианам пришлось устраивать рождественские мероприятия на частной территории, поскольку в городском парке муниципальные власти делать это запретили. Как лозунг христиан современного мира звучит тема рождественского парада, предложенная в 2014 году в американском городе Пьемонт: "Keep Christ in Christmas". И как свидетельство о положении христиан в некогда христианском мире воспринимается решение властей города об изменении этой темы со ссылкой на то, что она не может быть пригодна для светского праздника.

ЛЮДИ-NONES

На частном антропологическом уровне смерть Бога выражается в психологизации религии и синкретическом мировоззрении. Религия начинает восприниматься как вид психотерапии. Но смысл религии и психотерапии противоположен, ибо психотерапия имеет своим пафосом примирение человека с миром и с самим собой. Она помогает человеку социализироваться и

обрести заветное чувство "я сам", то есть чувство, говорящее человеку: "я делаю себя сам, а значит, имею на себя права". Религия, напротив, требует от человека по-рвать все связи с миром и велит ему жить в мире этом, но по законам мира иного, центрируя сознание Богом. Синкретизм, позволяющий человеку одновременно утверждать, что он является буддистом, христианином и последователем Кастанеды, есть не что иное, как избирательная толерантность на частном уровне, то есть примирение истин, каждая из которых сама по себе есть полнота. Такое состояние сознания скорее свидетельствует о собственном хаосе и разрозненности, нежели о широте.

Если в философии жажда тотальных смыслов и сверхрационального вне Бога приводит к появлению философии сакрального, а в теологии — нетеистического теизма, то на уровне повседневности можно говорить о феномене верующих без предмета веры. Появляются так называемые люди-nones, те, кто на вопрос о принадлежности к какой-либо конфессии отвечает "none", то есть ни к какой, но при этом считает себя верующим — в высшую силу, разумное начало, внецерковного Иисуса Христа и т.п. В социологии это явление веры, жаждущей непосредственности Бога, которой тесно в рамках институтов, установлений и догматов, иногда называется диффузной религиозностью (Р. Чиприани, 1988 г.), рассеянной религиозностью, внеконфессиональной религиозностью, постатеизмом и др. Сюда же можно отнести более раннюю идею "приватной" религии П. Лукмана ("Невидимая религия", 1967). Сегодня М. Эпштейн называет его "бедной верой", "minimal religion", объясняя, что бедной эта вера является потому, что "почти ничего не имеет в этом мире: ни храма, ни обряда, ни установленных правил, одну только обращённость к Богу здесь и сейчас". Но вера вне установлений, догматов и культа, вне определённого содержания есть приватная вера, вера на свой вкус. Что бы в данном случае ни провозглашалось в качестве предмета веры, это всегда будут субъективные переменчивые представления человека. Бог вне традиции есть индивидуальный Бог, то есть частные состояния субъективности. Традиция — это то, что присутствует в человеке и одновременно не зависит от него. Она является препятствием к субъективизации Бога. Внеконфессиональная религиозность предоставляет тотальную власть субъективности.

Оборотной стороной попытки найти Бога вне религии является построение религии без Бога. Блуждающая субъективность здесь формирует надёжную институциональность. Речь идёт о деловой сфере и корпоративной культуре, которые пропитываются религиозным духом. Главы корпораций обожествляются, как, например, Стив Джобс, изображающийся на плакатах с нимбом на голове и планшете в руках, наподобие Библии. Магазины "Эппл" в Ковент-Гарден приглашают посетителей на небеса. Стеклопанная витрина лестница, украшающая его интерьер, будто скопирована с картины Уильяма Блейка "Лестница Иакова". Западные компании развивают идеи корпоративной религии. Если сегодня конкурируют не товары, но идеи, то сила компании, считают менеджеры, заключена в её философии. Брэнд неразрывно должен быть связан с ценностями, которые, собственно, и подталкивают к продажам. Вера сотрудников в сверхмиссию и ценности фирмы транслируется потребителям и рождает вместе с их верой спрос. Возможно, с точки зрения конкурентной борьбы корпораций эта позиция имеет под собой основания, однако она влечёт прямой запрет на то, чтобы говорить о Боге. Ветхий Завет об этом говорит очень точно: не сотвори себе кумира. Бог и "кумиры" — взаимоисключающие величины. Там, где есть кумир, претендующий на то, чтобы охватить все чаяния, желания, душевные ориентиры человека, — там нет места Богу. Если мир в аскетическом смысле — это то, что крадёт человека у Бога, то таким образом окрашенный мир, окрашенный в святость и верховную ценность, — это мир, окончательно утративший человека у Бога. Теперь ему не противостоит Бог. Он сам как Бог.

Как в случае с поисками Бога вне религии, так и в случае попыток найти религию без Бога речь идёт о редукции трансцендентного к имманентному измерению — субъективности или социальности. Такая редукция есть свидетельство смерти Бога.

PS.

Данная публикация представляет собой отрывок из новой книги доктора философских наук Натальи Ростовской "Изнанка Бога. Проблема сакрального в философии человека" (М.: Проспект, 2017). Впервые в научной литературе понятие "сакральное" рассмотрено как вид дискурса, сложившегося под влиянием научного бума на рубеже XIX-XX вв. и плотно вошедшего в интеллектуальное поле современности. Вопреки обыденному восприятию термина, сакральное оказывается не тем, что указывает на присутствие Бога, но, напротив, тем, что требует отсутствия Бога, его "смерти". Через идею смерти Бога автор показывает связь философии сакрального с концепцией смерти человека и идеей постчеловека. Концепт сакрального позволяет выявить ментальный разрыв между русской и европейской культурными традициями. В отличие от европейской философской традиции, которая для описания человека использует концепт сакрального, русская традиция, напротив, строит философию человека, основываясь на идее присутствия Бога. В духе русской традиции в книге предложен проект философской антропологии под названием "человек литургический".

НАЗАД В СССР

В подмосковном Звенигороде на новой волне nostalgia по советским временам открылся музей "Назад в СССР".

Это Музей положительных эмоций и воспоминаний для тех, кто помнит СССР и Музей открытый — для юных. Мы ждём всех тех, чьё детство прошло во дворе, и кого мама звала домой из окна; кто пил газировку и молочный коктейль из гранёного стакана; кто ел самое вкусное и дешёвое мороженое; кого принимали в октябрьта и пионеры; кто писал письма на бумаге и собирал макулатуру; кто танцевал под радиолу, кто ездил на карточку и в стройотряды...

Мы ждём и тех, кто родился позже, и не имеет представления ни о простоте быта советских людей, ни о величии их свершений. Экспозицию музея "Назад в СССР" составляют интерьеры, бытовые приборы, предметы домашнего пользования, книги, игрушки и одежда советского времени. Патефоны, радиолы, телевизоры, фотоаппараты, пылесосы, вентиляторы и другое, — всё это позволит окунуться в прошлое. За полчаса экскурсии можно побывать в 50-х, 60-х, 70-х и 80-х... Можно к чему-то прикоснуться... чем-то попользоваться... что-то понаблюдать... и при этом... непременно ощутить веяние ушедшего времени. В Музее проводятся экскурсии, мастер-классы, просмотры диафильмов, работает буфет и сувенирная лавка



Прошлое нельзя изменить, хорошее оно или плохое. Оно неизменно. И с ним нужно вести себя достойно, бережно и уважительно. Ведь прошлое, — это часть нашей жизни. И мы считаем, что наш Музей появился, как нельзя кстати: когда пожилые люди испытывают ностальгию по ушедшим временам, а молодые не прочь больше узнать о них.

г.Звенигород, ул.Московская, 18
тел.: +7 905-706-60-75
с 10-20:00, без выходных
http://ussrmuseum.ru/
zvenmuz@mail.ru

ЗАЯВЛЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГРУППЫ "BANDA BASSOTTI"

Мы, "Banda Bassotti", имеем честь сообщить, что "Антифашистский Караван" Банды Бассотти будет на Донбассе на праздновании Дня Победы 9 мая 2018 года.

Мы посетим города, больницы, школы, 3 детских дома. Мы привезем и передадим средства, собранные во время кампании "Дети Донбасса", и список тех, кто принял участие.

Мы привезем лекарства, игрушки для детей и школьные принадлежности. В акции "Антифашистский Караван" примут участие некоторые европейские парламентские депутаты и товарищи из разных стран.

Мы напоминаем миру, что авторы, подстрекатели и те, кто поддержал бойню в Одесском Доме профсоюзов 2-го мая 2014 года, до сих пор разгуливают на свободе. Как на свободе и те, кто организовывал Евромайдан, государственный переворот на Украине и последовавшие за ним внутренние репрессии и братоубийственную гражданскую войну в Донбассе.

Многие из этих преступников заседают в киевском правительстве и в правительствах других стран. Мы — антифашисты и антиимпериалисты, поэтому мы продолжим поддерживать людей, которые вынуждены страдать от этих преступников и их преступлений.

Мы призываем всех принять участие и поддержать "Антифашистский Караван".

Banda Bassotti — январь 2018 — город Перуджа — планета Земля
No pasaran! — Враг не пройдёт!

СЛУЖИТЬ РОССИИ!

8 ФЕВРАЛЯ 19:00

Наталья ПОКЛОНСКАЯ

Российский государственный и политический деятель. Депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва, заместитель председателя комитета ГД по безопасности.



Книга позволяет лучше узнать и оценить Наталью Поклонскую как юриста, политика, общественного деятеля и православного человека, не боящегося в любых условиях стоять на стороне истины и открыто высказывать своё мнение.

ВХОД СВОБОДНЫЙ!
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1
(магазин "Библио-Глобус", 2 уровень, зал № 13)